имѣло мѣсто описанное явленіе: Pl. NA. Ntr. vèslaa, vořtaa..., Du. GL. nòguu..., Pl. I ròdyy, zǫ̨byy..., Sg. N. (etc.) vòl'aa, súšaa (etc.)..., Sg. N. Fm. причастій на -l- именного склоненія: rodílaa, koválaa..., Sg. L. kъmètuu...

2) «Музыкальная долгота... была терпима только въ предударномъ слогѣ... Если подъ вліяніемъ граматической аналогіи эта долгота попадала въ слогъ третій отъ ударяемаго, удареніе передвигалось съ конечнаго слога на предконечный, и долгота оказывалась опять въ предударномъ слогѣ. Такъ измѣнились ŏrbotà, zĕvotà подъ вліяніемъ ŏrbíti, zĕvòti въ ŏrbòta, zĕvòta» (с. 89).

Какъ видно, въ одномъ случаѣ А. А. Шахматовъ зависимость между долготами послѣдняго въ словѣ слога и переходомъ ударенія съ послѣдняго въ словѣ слога на предпослѣдній признаетъ, а въ другомъ нѣтъ: южно-словянскій матеріалъ никакихъ намековъ на какіе-либо праславянск. ŏrbòtā... ему не даетъ.

§ 74. Привлекая къ разрѣшенію вопроса кашубскія данныя, мы оказываемся въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ ограничиваясь одними южно-славянскими данными. Мы сразу получаемъ въ руки важный козырь: мы знаемъ, что кашубскій языкъ нѣкогда зналъ rob^{u}òtā, и заключаемъ, что праславянскій языкъ зналъ не ŏrbòtă, какъ думаетъ А. А. Шахматовъ, а ŏrbòtā. Мы имѣемъ возможность то, что А. А. Шахматовъ не могъ не разъединять, соединить.

Мы можемъ выставить такой законъ — законъ строго общаго значенія:

Если удареніе падало не на послѣдній слогъ слова, какъ мы этого ждали бы на основаніи законовъ Фортунатова - de-Saussure'a-Meillet, а на предпослѣдній, — то послѣдній слогъ слова сохранялъ исконную (праиндоевропейскую) долготу. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ послѣдній слогъ слова долготу сокращалъ.

О причинахъ мы не говоримъ. Найти законъ — одно, а объяснить его возникновеніе — другое. О причинахъ въ другой работѣ. Здѣсь ограничимся указаніемъ, что причины эти могутъ быть не аналогическаго характера, а строго фонетическаго характера.